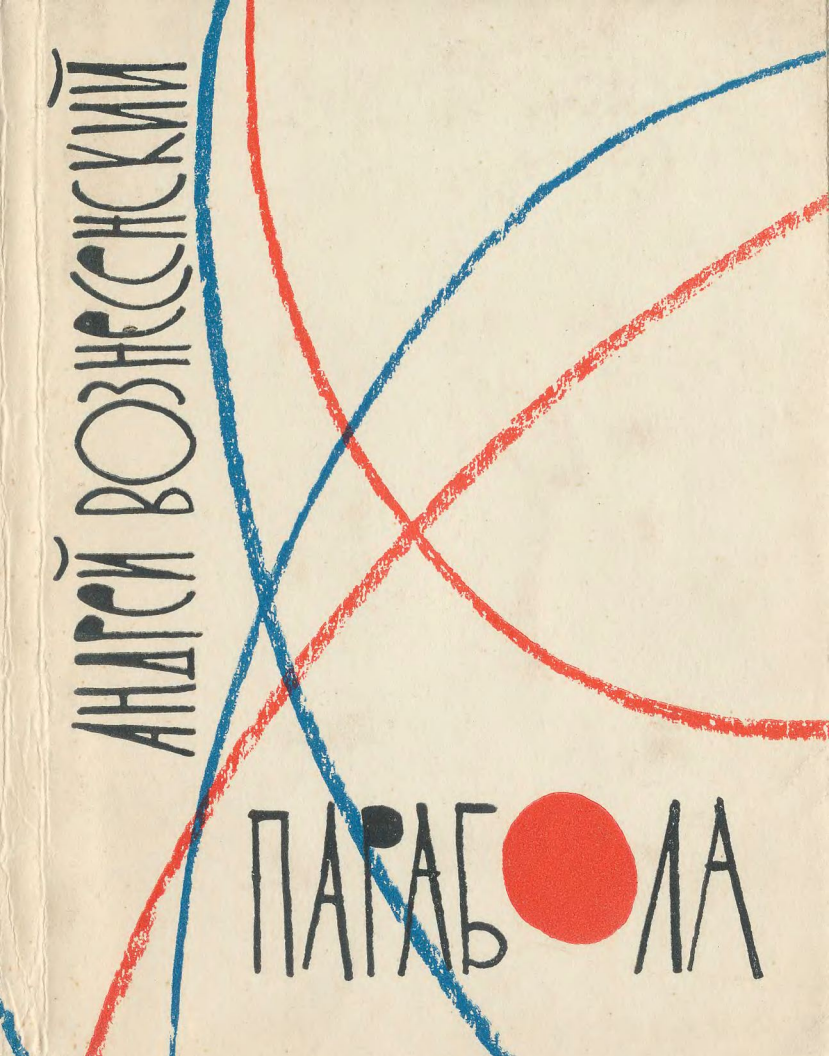

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПАРАБОЛА

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПАРАБОЛА

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва · 1960

ЛИВНИ

И

ЛИФТЫ

ДОРОЖНАЯ

В одном вагоне — четыре гармони,
Четыре черта в одном вагоне.
Четыре чуба, четыре пряжки,
Четыре,
Четыре,
Четыре пляски!

Эх, чечеточка, барыня, барыня!
Одна девчонка —
Четыре парня.
Четыре чуда, четыре счастья,
Хоть разревись —
Разорвись на части!

Кончена учеба. Пути легли
Во все четыре конца земли.

Цимкент,
Чукотка,
Сибирь,
Алтай. . .

Эх, чечеточка!
Выбирай!

**ТОРГУЮТ
АРБУЗАМИ**

Москва завалена арбузами.
Все дышит волей без границ.
И веет силой необузданной
От возбужденных продавщиц.

Палатки. Гвалт. Платки девчат.
Хохочут. Сдачею стучат.

Ножи и вырезок тузы.
— Держи, хозяин, не тужи!

Кому кавун?
Сейчас расколется! —
И так же сочны и вкусны
И милицейские околыши
И мотороллер у стены.

Сентябрьский воздух свеж на вкус
И так же звонок, как арбуз.

И так же весело и свойски,
Как те арбузы у ворот,
Земля мотается
В авоське
Меридианов и широт!

**ОТКРЫТИЕ
ГЭС**

Мы — противники тусклого.
Мы приучены к шири —
Самовара ли тульского
Или «ТУ-104».

Разудало, по-русски,
Быстриною блестят
Широченные русла
В миллион киловатт.

В этом блещущем крае,
Отрицатели мглы,
Мы не ГЭС открываем —
Открываем миры!

И стоят возле клуба,
Описав полукруг,

Магелланы, Колумбы
Из Коломн и Калуг.

У трибун, подбоченясь,
Речь вбирает народ.
Ну, а кто побойчее —
Сам словечко ввернет!

Вставит веско, не робко,
Что там твой эрудит...
Обалдело «Европа»
В объективы глядит.

И сверкают, как слитки,
Лица русских ребят
Белозубой улыбкой
В миллиард киловатт.

**ЗАГОРСКАЯ
ЛАВРА**

Сопя носами сизыми
И подоткнувши рясы —
Кто смотрит телевизоры,
Кто просто точит лясы.

Я рядом с бледным служкою
Сижу и тоже слушаю
Про денежки, про ладанки
И про родню на Ладоге. . .

Я говорю: — Эх, парень,
Тебе б дрова рубить,
На мотоцикле шпарить,
Девчат любить!

Тебе б не четки
И не клобук, —

Тебе б чечеткой
Дробить каблук!

Эх, вприсядку,
Чтоб пятки — в небеса!
Уж больно девки падки
На синие глаза.

Он говорит: — Вестимо... —
И прячет, словно вор,
Свой нестерпимо синий,
Свой нестеровский взор.

И быстрою походкой
Уходит за решетку.

Мол, дружба — дружбой,
А служба — службой...

И колокол по парню
Гудит окрест.
Крест — на решетке.
На жизни —
Крест.

СВАДЬБА

Выходит замуж молодость
Не за когó — за что.
Себя ломает молодость
За модное манто.

За золотые горы
И в серебре виски.
Эх, да по фарфору
Ходят сапоги!

Где пьют, там и бьют —
Чашки, кружки об пол бьют.
Горшки — в черепки,
Молодым под каблуки.
Брызжут чашки на куски:
Чье-то счастье —
В черепки!

И ты в прозрачной юбочке,
Юна, бела,
Дрожишь, как будто рюмочка
На краешке стола.

Улыбочка, как трещинка,
Играет на губах,
И темные отметинки
Слезинок на щеках.

Где пьют, там и льют —
Слезы, слезы, слезы льют. . .

ПАРАБОЛИЧЕСКАЯ
БАЛЛАДА

Судьба, как ракета, летит по параболе.
По-разному круто и редко — по радуге,

Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом — торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть
из Монмартра,

Он дал
 кругаля
 через Яву с Суматрой!
Унесся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жен, духоту академий.

Он уносился ракетой ревущей
Сквозь ветер,
 срывающий фалды и уши.

И в Лувр он попал не сквозь главный
порог —

Параболой

гневно

пробив

потолок! . .

Жила-была девочка рядом в квартале.

Мы с нею учились,

зачеты сдавали.

Куда ж я уехал?!

И черт меня нес

Меж грузных тбилисских двусмысленных
звезд!

Прости мне

дурацкую эту параболу. . .

Простывшие плечики в черном

парадном. . .

О, как ты звенела во мраке Вселенной,

Упруго и прямо —

как прутик антенны!

А я все лечу,

приземляясь по ним,

Земным и озябшим твоим позывным.

Как трудно дается нам эта парабола! . .

Ты куда, попрыгунья
С молотком на боку?
Ты работала в ГУМе,
Ты махнула в тайгу.
Точно шарик

пинг-понга,
Ты стучишь о мостки,
Аж гудят перепонки
Тугоухой тайги!
Ты о елочки колешься.
Там, где лес колдовал,
Забиваешь ты колышки:
«Домна». «Цех». «Котлован».
Как в шекспировских актах —
«Лес». «Развалины». «Ров».

Героини в палатках.
Перекройка миров.

ГОСТЬ
У КОСТРА

Облупленные морды.

Костер.

Ручей.

Мы молоды и голодны,
Как сто чертей!

И Лялька, Лялька
В фуфаечке тугой,
Курносая, как лайка,
Хохочет над ухой. . .

Хошь не хошь,

гож не гож —

Гость! . .

И гость садится к чайнику.
Он хмур не по годам,

А Лялька, Лялька, Лялька! —

Ой, сатана! —

Ему

рюкзачной

лямкой

По роже:

— На! На!

Газеты — пропаганда?!

А Братск?!

А Сталинград?!

Поганка, ты, поганка!

Гад! Гад! Гад!

О, как она хлестала! . .

А после, у ольхи,

Как она

роняла

Слезинки в угольки. . .

**СИБИРСКИЕ
БАНИ**

Бани! Бани! Двери — хлоп!
Бабы прыгают в сугроб.

Прямо с пылу, прямо с жару —
Ну и ну!
Слабовато Ренуару
До таких сибирских «ню»!

Что мадонны! Эти плечи,
Эти спины наповал,
Будто доменной печью
Запрокинутый металл.

Задыхаясь от разбега,
Здесь на «ты», на «ты», на «ты»
Чистота огня и снега
С чистотою наготы.

ОДА
СПЛЕТНИКАМ

Я славлю скважины замочные.
Клевещущему —
Исполать.
Все репутации подмочены.
Трещи,
Трехспальная кровать!

О, сплетники! О, их рассказы!
Роскошны царственные рты.
Их уши,
 точно унитазы,
Непогрешимы и чисты.
Их приговоры, точно бирки,
Прилеплены к любой судьбе. . .

Я жил тогда в Новосибирске
В блистанье сплетен о тебе.
Как пулеметы, телефоны
Меня косили наповал.

И, точно тенор — анемоны,
Я анонимки получал.
Междугородные звонили.
И голос, пахнувший ванилью,
Шептал, как ты опять дуришь,
Что твой поклонник толст и рыж.
Что таешь, таешь льдышкой тонкой
В пожатье пышущих ручищ. . .

Я возвращался.
На Волхонке
Лежали черные ручки.
И все оказывалось шуткой,
Насквозь придуманной виной,
И ты запахивала шубку
И пахла снегом и весной.
Любимая, Наташа, чудо,
Чистейшая среди клевет,
Чем траурнее пересуды,
Тем чище

твой высокий
свет!

Вот так безрукая Венера
Парит,
Прожектором взвита,
На черном бархате вернее
Разгневанная чистота!

Так ложь становится гарантией
Твоей любви, твоей тоски. . .

Орите, милые, горланьте!
Да здравствуют клеветники!
Смакуйте! Дергайтесь от тика!

Но почему так страшно тихо?

Тебя не судят, не винят,
И телефоны не звонят. . .

НА ПЛОТАХ

Нас несет Енисей.
Как плоты над огромной
и черной водой,
Я — ничей!
Я — не твой, я — не твой, я — не твой!

Ненавижу провал
твоих губ, твои волосы,
платье, жилье.
Я плевал
На святое и лживое имя твое!

Ненавижу за ложь
телеграмм и открыток твоих,
Ненавижу, как нож
по ночам ненавидит живых.

**ПОСЛЕДНЯЯ
ЭЛЕКТРИЧКА**

В вагоне спят рабочие.
Вагон во власти сна.
А в тамбуре бормочет
Нетрезвая струна.

И как-то получилось,
Что я читал стихи
Между теней плечистых,
Окурков, шелухи.

У них свои ремесла.
А я читаю им,
Как девочка примерзла
К окошкам ледяным.

На черта им девчонка
И рифм ассортимент?

Таким, как эта — с челкой
И пудрой в сантиметр?!

Стоишь — зрачки пустые.
На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят...

Но, может быть, поэзия
Действительно сильней,
Чем бритвенные лезвия,
Чем выпивка парней?

Но, может, все же сердце
Основа бытия, —
Когда, срывая серьги,
Ты плачешь в три ручья?

И вдруг из электрички,
Ошеломив вагон,
Ты
 чище
 Беатриче
Сбегаешь на перрон.

ОСЕНЬ

С. Щипачеву

Утиных крыльев переплеск.
И на тропинках заповедных
Последних паутинок блеск,
Последних спиц велосипедных.

И ты примеру их последуй,
Стучись проститься в дом
последний.

В том доме женщина живет
И мужа к ужину не ждет.

Она откинет мне щеколду,
К тужурке припадет щекою,
Она, смеясь, протянет рот.
И вдруг, погаснув, все поймет —
Поймет осенний зов полей,
Полет семян, распад семей. . .

Озябшая и молодая,
Она подумает о том,
Что яблонька — и та с плодами,
Буренушка — и та с телком.
Что бродит жизнь в дубовых дуплах,
В полях, в домах, в лесах продутых.
Им — колоситься, токовать,
Ей — голосить и тосковать...

А за окошком в первом инее
Лежат поля из алюминия.
По ним — черны, по ним — седы,
До железнодорожной линии
Чужие тянутся следы.

**ГРУЗИНСКИЕ
БАЗАРЫ**

Долой Рафаэля!
Да здравствует Рубенс!
Фонтаны форели,
Цветастая грубость!

Здесь праздники в будни.
Арбы и арбузы.
Девчонки — как бубны,
В браслетах и бусах.

Индиго индеек.
Вино и хурма.
Ты нынче без денег? —
Пей задарма!

Да здравствуют бабы,
Торговки салатом,

Под стать баобабам
В четыре обхвата!

Базары — пожары.
Здесь огненно, молодо
Пылают загаром
Не руки, а золото.

В них отблески масел
И вин золотых.
Да здравствует мастер,
Что выпишет их!

**ЛУННАЯ
НЕРЛЬ**

Есть церкви вроде тыкв и палиц,
А Нерль — прозрачна без прикрас.
И испаряется, как парус,
И вся сияет, испарясь.

Я к храму поднимаюсь снизу,
Всхожу из мрака на бугор,
Как в телевизорную линзу,
Гляжу в сияющий собор.

Меня пронизывают волны
Высокой, голубой воды —
Твои, Россия, сны, и войны,
И дикой девочки черты.

Кто жег тебя в татарских станах?
Чьих стай маячили крыла?

Ты рано женщиною стала
И свет нелегкий обрела.

Тебе, одной тебе подсудны
Мои поступки и труды.
Я весь, как есть, твоя посуда
Высокой, голубой воды.

А ночь ревет мотором «МАЗа»,
Напоминает, торопя...
Поймешь ли, Маша? С кем ты,
Маша?
Мне страшно, Маша, за тебя!

Две чудных речонки.
К кому кто приник?
И кто тут
 девчонка?
И кто тут
 родник?

В ГОРАХ

Здесь пишется, как дышится, —
Взволнованно, распахнуто,
Как небосводам пишется
И как звенится пахотам.

Здесь кручи кружат головы,
И жмурятся с обочины,
Как боги полуголые,
Дорожные рабочие!

И девушки с черешнями
И вишнями в охапке —
Как греческие, грешные
Богини и вакханки.

Носы на солнце лупятся,
Как живопись на фресках.
Здесь пишется — как любитя,
Взволнованно и дерзко!

туля

Кругом тутá и туя.
А что такое — Туля?

То ли турчанка —
Тонкая талия?
То ли речонка —
Горная,
 талая?

То ли свистулька?
То ли козуля?
Туля!

Я ехал по Грузии,
Грушевой, вешней,
Среди водопадов
И белых черешней.

Чинары, чонгури,
Цветущие персики
О маленькой Туле
Свистали мне песенки.

Мы с ней не встречались.
И все, что успели,
Столкнулись — расстались
На Руставели...

Но свищут пичуги
В московском июле:

«Туит-

ту-ту-

туля!

Туля! Туля!»

ПЕРВЫЙ ЛЕД

Мерзнет девочка в автомате,
Прячет в зябкое пальтецо
Все в слезах и губной помаде
Перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы — льдышки. В ушах — сережки.

Ей обратно одной, одной
Вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.

Мерзлый след на щеках блестит —
Первый лед от людских обид.

ВЕЛОСИПЕДЫ

В. Бокову

Лежат велосипеды
В лесу, в росе.
В березовых просветах
Блестит шоссе.

Попадали, припали
Крылом — к крылу,
Педалями — в педали,
Рулем — к рулю.

Да разве их разбудишь —
Ну, хоть убей! —
Оцепенелых чудищ
В витках цепей.

Большие, изумленные,
Глядят с земли.

Над ними — мгла зеленая,
Смола, шмели.

В шумящем изобилии
Ромашек, мят
Лежат. О них забыли.
И спят, и спят.

ВЕЧЕРИНКА

Подгулявшей гурьбою
Все расселись. И вдруг —
Где
 двое?!
Нет
 двух!

Может, ветром их сдуло?
Посреди кутежа
Два пустующих стула,
Два лежащих ножа.

Они только что пили
Из бокалов своих.
Были —
Сплыли.
Их нет, двоих.

Водою талою —
Ищи-свищи! —
Сбежали, бросив к дьяволу.
Приличья и плащи!

Сбежали, как сбегает
С фужеров гуд.
Так реки берегами,
Так облака бегут.

Так убегает молодость
Из-под опеки,
И так весною поросли
Пускаются в побег!

В разгаре вечеринка,
Но смелость этих двух
Закинутыми спинками
Захватывает дух!

ТАЙГА

Твои зубы смелы.
В них усмешка ножа.
И гудят, как шмели,
Золотые глаза!

Мы бредем от избушки.
Нам трава до ушей.
Ты пророчишь мне взбучку
От родных и друзей.

Ты отнюдь не монахиня,
Хоть в округе — скиты.
Бродят пчелы мохнатые,
Нагибая цветы.

Я не знаю — тайги.
Я не знаю — семьи.
Знаю только зрачки.
Знаю — зубы твои.

На ромашках роса,
Как в буддийских пиалах.
Как она хороша
В длинных мочках фиалок!

В каждой капельке-мочке,
Отражаясь, нагая,
Ты дрожишь, как Дюймовочка,
Лепестки нагибая.

Ты — живая вода
На губах, на листке.
Ты себя раздала
Всю до капли — тайге.

ВЕЧЕР
НА СТРОЙКЕ

Меня пугают формализмом.
Как вь́ от жизни далеки,
Пропахнувшие формалином
И фимиамом знатоки!

В вас, может, есть и «целина»,
Но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
Не столько божьей, как людской —
Чтоб слушали бульдозеристы
Непроходимую тайгой!

Им приходилось зло и солоно.
Но чтоб стояли, как сейчас,

Они, небритые как солнце,
И точно сосны — шелушась.

И чтобы девочка-чувашка,
Смахнувши синюю слезу,
Смахнувши — чисто и чумазо,
Смахнувши — точно стрекозу,
В ладошки хлопала раскатисто. . .

Мне ради этого легки
Любых ругателей рогатины
И яростные ярлыки.

БАЛЛАДА 41-го ГОДА

Рояль вползал в каменоломню.
Его тащили на дрова,
К замерзшим чанам и половням.
Он ждал удара топора.

Он был без ножек, черный ящик,
Лежал на брюхе и гудел,
Он тяжело дышал, как ящер
В пещерном капище людей.

А пальцы вспухшие алели —
На левой два, на правой пять. . .

Он
 опускался
 на колени,
Чтобы до клавишей достать.

Семь пальцев бывшего завклуба!
И, обмороженно-суха,

С них, как с разваренного клубня,
Дымясь, сползала шелуха.

Металась пламенем сполошным
Их красота, их божество...
Казалось вымыслом и ложью
Все, что игралось до него!

Все отраженья люстр, колонны...
Во мне ревет рояля сталь.
И я лежу в каменоломне.
И я огромен, как рояль.

Мое призвание — не тайна.
Я верен участи своей.
Я высшей музыкою стану,
Теплом и хлебом для людей.

БАЛЛАДА РАБОТЫ

Е. Евтушенко

I

Петр

Первый —

Пот

первый...

Не царский (от шубы,

От баньки с музыкой),

А радостный,

грубый,

мужицкий!

От плотской забавы

Гудела спина,

От плотницкой бабы,

Пилы, колуна.

Аж в дуги сгибались
Дубы топорищ!
Аж щепки вонзались
В Стамбул и Париж!

А он только крякал,
Упруг и упрямя,
Расставивши краги,
Как башенный кран.

II

А где-то в Гааге
Мужик и буян,
Гуляка отпетый,
И нос точно клубень —
Петер?!
Рубенс?

А может, не Петер?
А может, не Рубенс?
Он жил среди петель,
Рубинов и рубищ,

Где в страшной пучине восстаний
и путчей
Неслись капуцины, как бочки
с капустой!

Он жил, неопрятный, как бургер
обрюзгший,
И брюхо моталось
мохнатою
брюквой.

Небритый, уже сумасшедший отчасти,
Он уши топорщил, как ручки от чашки.
Дымясь волосами, как будто над чаном,
Он думал.

И все это было началом,
Началом, рождающим Савских
и Саский...

Бьет пот —
олимпийский,
торжественный,
царский!

Бьет пот
(чтобы стать жемчугами
Вирсавии).

Бьет пот
(чтоб сверкать сквозь фонтаны
Версаля).

Бьет пот,
превращающий на века
Художника — в бога, царя — в мужика!

Вас эта высокая влага кропила,
Чело целовала и жгла, как крапива.
Вы были как боги — рабы ремесла! . .

III

В прилипшей ковбойке
Стою у стола.

ЕЛКА

За окном — кариатиды.
А в квартирах — каблуки.
Елок

крылья
реактивные
Прошибают потолки!

Что за чуда нам пророчатся?
Какая из шарад
В этой хвойной непорочности,
В этих огненных шарах?

О, девчонка с мандолиной!
Одуряя и журя,
Полыхает мандарином
Рыжей челки кожура.

Расшалилась, точно школьница,
Иголочки грызет...

**КОМСОМОЛ
ГОЛОСУЕТ**

«За!» —

Поднимется зал ладоней,
Золотое пламя ладоней,
Жадных, пахнувших ацетоном,
Жатвой,
дынями,
дымом домен,
Еще только вчера — в бетоне,
В поцелуях, в пылице, в радоне,
Принимавших
детей
в роддоме,
Наливавших в бидон надои,
Молодых, бедовых ладоней,
Взвитых полымем к потолкам,
Точно голуби
к облакам!

Я не помню, где — в Краснодаре?
В Первой Конной? или на
Братской? --

Вместо фраз и рекомендаций
Говорили:

«Покажь ладони!»

И тянулась к огню из ночи
Красота корявых, рабочих,
Огрубевших в угле, в золе,
Самых

чистых

рук на земле,
Самых нужных рук для земли...

Я гляжу на ладони мои.

Моя доля,

ладони мои!

Все ль вы сделали, что могли?

КРЫЛЬЯ

Дрыхнут боги в облаках —
Лежебоки
в гамаках!

Что нам боги? Что нам птицы,
Птичьи всякие традиции?!

Крылья?! .
Непонятно даже:
Что в них видели века?
Их
все ближе
к фюзеляжу
Прижимают
облака.

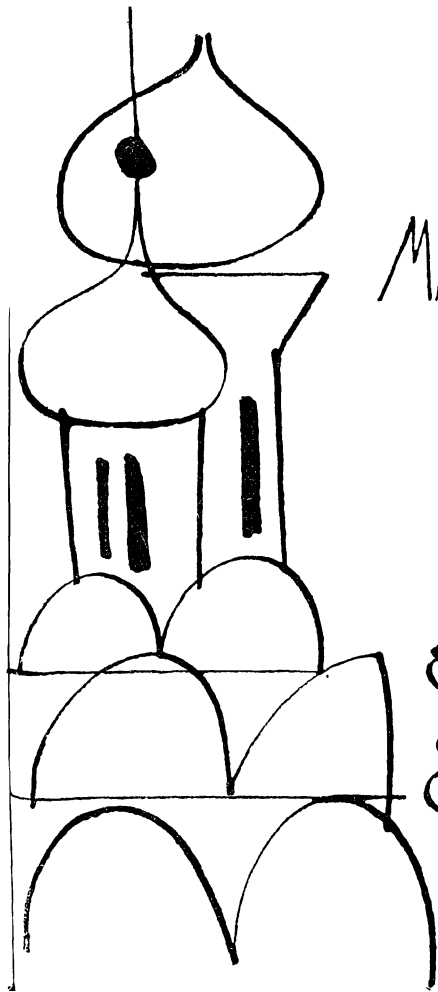
Нашим чудо-аппаратам
Чужды пережитки крыльев,

Люди новое открыли,
Людям стало мало крыльев.
Людям
Дерзким и крылатым.

Мне снится земля без оков, без окопов,
Без копоты взрывов,
 в мечтах телескопов,
В липах, в эвкалиптах, в радугах
 павлиньих,
В сумасшедших лифтах,
В ливнях алюминиевых!

Мир морей и женщин, поездов
 навстречу —
Фырчущий,
 фруктовый,
 чудо-человечий! . .

Где-нибудь на Марсе выйдет гость
 с Земли,
Выйдет. Улыбнется. Вынет горсть
 земли —
Горсточку горячей,
Милой, чуть горчицей,
Мчащейся вдали
Матери-земли!

МАСТЕРА

ПОЭМА

**ПЕРВОЕ
ПОСВЯЩЕНИЕ**

Колокола. Гудошники.
Звон. Звон...

Вам,
Художники
Всех времен!

Вам,
Микеланджело,
Барма, Дант.
Вас молниєю заживо
Испепелял талант!

Ваш молот не колонны
И статуи тесал —
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал.

Художник первородный —
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно — бунт.

Вас в стены муровали,
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
Плясали на костях.

Искусство воскресало
Из казней и из пыток
И било, как кресало,
О камни Моабитов.

Кровавые мозоли.
Зола и пот.
И Музу, точно Зою,
Вели на эшафот.

Но нет противоядия
Ее святым словам, —
Воители, ваятели,
Слава вам!

**ВТОРОЕ
ПОСВЯЩЕНИЕ**

Москва бурлит, как варево,
Под колокольный звон...

Вам,
Варвары
Всех времен!

Цари, тираны,
В тиарах яйцевидных,
В пожарищах-сутанах
И с жерлами цилиндров!

У вас теперь кубисты
По виллам и дворцам, —
Убийцы! —
Вот имя вам.

Империи и кассы
Страхую от огня,
Вы видели в Пегасе
Троянского коня.

Ваш враг — резец и кельма.
И выжженные очи,
Как
Клейма,
Горели среди ночи.

Вас мое слово судит.
Да будет — срам,
Да
Будет
Проклятье вам!

I

Жил-был царь.
У царя был двор.
На дворе был кол,
На колу не мочало —
человека мотало!

Хвор царь. Хром царь.
А у самых хором ходит вор
и бунтарь.

Не туга мощна,
Да рука мощна!
Он деревни мути́т,
Он царевне свистит.

И ударил жезлом,
и велел государь,
Чтоб на площади главной
Из цветных терракот

Храм стоял семиглавый —
Семиглавый дракон!

Чтоб царя сторожил,
Чтоб народ страшил.

II

Их было — смелых — семеро,
Их было — сильных — семеро,
Наверно, с моря синего
Или откуда с севера.

Где Ладога, луга,
Где радуга-дуга.

Они ложили кладку
Вдоль белых берегов,
Чтоб взвились, точно радуга,
Семь разных городов.

Как флаги корабельные,
Как песни коробейные.

Один — червонный, башенный,
Разбойный, бесшабашный,

Другой — чтобы, как девица,
Был белогруд, высок,
А третий — точно деревце,
Зеленый городок!

Узорные, кирпичные,
Цветите по холмам...
Их привели опричники,
Чтобы построить храм.

III

Кудри — стружки.
Руки — на рубанки.
Яростные, русские
Красные рубахи.

Ухали «Дубинушку» —
Площади дрожали.
Ухари-детинушки,
Силушку сдержали **бы!**

Очи — ой, отчаянны!
При подобной силе
Как бы вы нечаянно
Царство не спалили!..

Бросьте, дети бисовы,
Кельмы и резцы.
Не мечите бисером
Изразцы...

IV

Не памяти юродивой
Вы возводили храм,
А богу плодородия,
Его земным дарам.

Здесь купола-кокосы
И тыквы-купола,
И бирюза кокошников
Окошки оплела.

Сквозь кожуру мишурную
Глядело с завитков,
Что чудилось Мичурину
Шестнадцатых веков.

Диковины кочанные,
Их буйные листы,
Кочевников колчаны
И кочетов хвосты.

И башенки буравами
Взвивались по бокам,
И купола булавами
Грозили облакам!

И москвичи молились
Столь дерзкому труду —
Арбузу и маису
В чудовищном саду.

v

Взглянув на главы-шлемы,
Боярин рёк:
— У, шельмы!
В бараний рог!
Сплошные перламутры —
Сойдешь с ума.
Уж больно баламутны
Их сурик и сурьма...

Купец галантный,
Куль голландский,
Шипел: — Ишь, надругательство,
Хула и украшательство...

Ярыжка-кочерыжка
Бубнил без передышки:

— Нашел уж царь работников —
Смутьянов и разбойничков!

У них не кисти,
А кистени.
Семь городов, антихристы,
Задумали они.

Им наша жизнь — кабальная,
Им Русь — не мать...

А младший у кабатчика
Все похвалялся, тать,
Как в ночь перед заутреней,
Охальник и бахвал,
Царевне целомудренной
Он груди целовал...

И дьяки присные,
Как крысы по углам,
В ладони прыснули:
— Не храм, а срам!..

...А храм пылал вполнеба,
Как лозунг к мятежам,
Как пламя гнева —
Крамольный
храм!

От страха дьякон пятился,
В сундук купчина прятался,
А немец, как козел,

Скакал, задрал камзол.
Уж как ты зол,
храм антихристовый!..

А мужик стоял да подсвистывал,
Все посвистывал, да поглядывал,
Да топор
рукой
все поглаживал. . .

VI

Холод, хохот, конский топот да собачий
звонкий лай.
Мы, как дьяволы, работали, а сегодня —
пей, гуляй!

Гуляй!
Девкам юбки заголяй!

Эх, на синих, на глазурных, да на
огненных санях...
Купола горят глазуньями на распахнутых
снегах.

Ах! —
Только губы на губах!

Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки,
караси,
По соборной, по собольей, по оборванной
Руси —

Эх, еси —
Только ноги уноси!

Завтра новый день рабочий грянет
в тысячи ладов.
Ой, вы, плотнички, пилите тес для новых
городов.

Го-ро-дов? ..

Может, лучше — для гробов? ..

VII

Тюремные стены.
И нем рассвет.
А где — поэма?
Поэмы — нет!

Была в семь глав она,
Как храм в семь глав.
А нынче безгласна —
Как лик без глаз.

Она у плахи.
Стоит в ночи.

· · · · ·
И руки о рубахи
Отерли палачи.

эпилог

Вам свай не бить, не гулять по лугам.
Не быть, не быть, не быть городам!

Узорчатым башням в тумане не плыть.
Ни солнцу, ни пашням, ни соснам —
не быть.

Ни белым, ни синим — не быть,
не бывать.

И выйдет насильник губить-убивать,

И женщины будут в оврагах рожать,
И кони без всадников — мчатся
и ржать.

Сквозь белый фундамент трава
прорастет.

И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.

Растерзанным бабам на площади выть.
Ни белым, ни синим, ни прочим —
не быть!

Ни в снах, ни воочию — нигде,
никогда...

Врете,
врете —
Будут города!

Сверкнут меж холмов
Семицветьем всем
Не семь городов,
А семижды семь.

Над ширью вселенской
В лесах золотых
Я,
Вознесенский,
Воздвигну их!

Я — парень с Калужской,
Я явно не промах.
В фуфайке колючей,
С хрустящим дипломом.

Я той же артели,
Что семь молодцов.

Чтоб Ленин над асфальтом,
Над городом каркасным
Указывал

 путь
 к альфам
Весов и Волопаса!

Пусть радуг семицветия
Играют под резцом.
Пусть смелость

 семилетия
Мне будет образцом.

В нем каждый год —
 как город,
В котором я — строитель.
О, ненасытный голод
Работы и открытий!

Весомой дерзостью
Смелы, чисты,
Имеют те же
 тезисы

Мои мечты...

И завтра ночью тряскою,
В 0.45,
Я еду в Братскую,
Чтоб их осуществлять!

И вслед мне из ночи
Окон и бойниц
Уставились очи
Безглазых глазниц.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИВНИ И ЛИФТЫ

Дорожная	5
Торгуют арбузами	7
Открытие ГЭС	9
Загорская лавра	11
Свадьба	13
Параболическая баллада	15
Из сибирского блокнота	17
Гость у костра	19
Сибирские бани	22
Ода сплетникам	24
На плотях	27
Последняя электричка	29
Осень	31
Грузинские базары	33
Лунная Нерль	35
Горный родничок	37
В горах	39
Туля	40
Первый лед	42
Велосипеды	43
Вечеринка	45

Тайга	47
Вечер на стройке	49
Баллада 41-го года	51
Баллада работы	53
Елка	57
Комсомол голосует	59
Крылья	61
Земля	63
МАСТЕРА (поэма)	65

Вознесенский Андрей Андреевич

ПАРАБОЛА

Редактор *В. Ф. Боков*

Художник *Ф. Б. Збарский*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Л. К. Фарисеева*

Сдано в набор 10/III 1960 г. Подписано
в печать 29/VI 1960 г. А-04178

Бумага 60×84¹/₃₂ Печ. л. 2⁷/₈ (2,62)

Уч.-изд. л. 1,92 Тираж 8000

Заказ № 303 Цена 1 р.

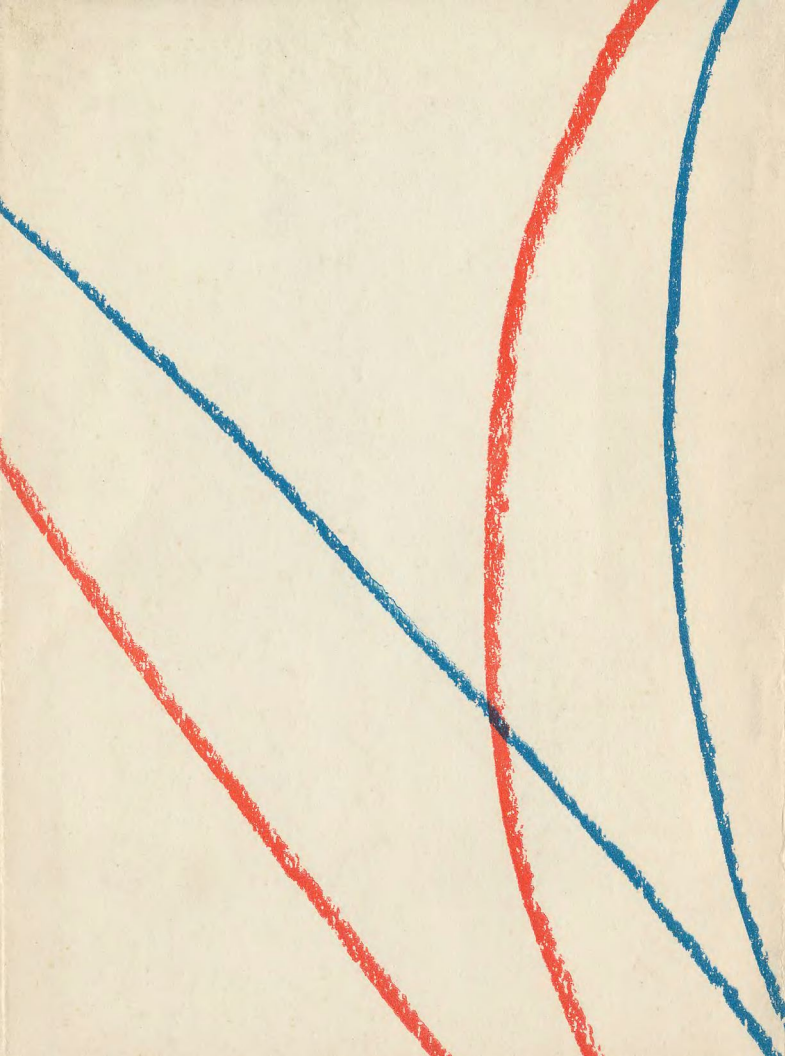
С 1/I 1961 г. цена 10 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., д. 10

Типография № 12 УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Литейный пр., 55

1 р.

С 1/1 1961 г. цена 10 к.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ПАРАБОЛА

Цена 1 р.

с 1/1 1961 г. цена 10 к.